

УДК 94(47).084.5

Е. В. Шандулин

**УНИВЕРСИТЕТСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ В 1920-е гг. В СССР
КАК ОТРАЖЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ
РЕФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ДОНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА)**

Статья посвящена процессам трансформации Ростовского (Донского, позже Северо-Кавказского) университета в 1920-е годы. Рассматриваются вопросы изменения системы управления высшим образованием в СССР на основе архивных материалов. В статье на примере Донского университета оцениваются такие сложные процессы в управлении образованием в этот период, как введение платного образования, расширение набора студентов, сокращение сроков обучения, рост централизации управления университетом. Выделяются

некоторые тенденции в развитии университета в период НЭПа, особенности учебного процесса в сопоставлении с дореволюционным периодом. Дается оценка результатов реализации университетом властных установок, и выделяются специфические особенности развития университета в этот период.

Ключевые слова: Донской университет (Северо-Кавказский Государственный университет), реформа высшего образования в СССР в 20-е годы, история высшего образования в России, образовательные реформы в СССР.

E. V. Shandulin

**UNIVERSITY TRANSFORMATION IN THE SOVIET UNION IN 1920s
AS A REFLECTION OF STATE POLICY OF REFORMING THE SYSTEM
OF HIGHER EDUCATION (ON THE MATERIALS OF THE DON UNIVERSITY)**

The article is devoted to transformation processes of Rostov (Don, later North Caucasus) University in 1920s. It deals with the issues of change in higher education management in the USSR on the basis of archival materials. By the example of the Don University such complex processes in education management of those times as the introduction of free education, expanding enrolment, reduction of training time, increase in centralization of University management are evaluated. The article highlights some trends in the development of the University

during NEP period, peculiarities of educational process in comparison with the pre-revolutionary period. It is evaluated how the University implemented power prescriptions and specific features of the development of the University during the relevant period are highlighted.

Key words: the Don University (North-Caucasus State University), reform of higher education in the USSR in 1920s, the history of higher education in Russia, educational reform in the Soviet Union.

Актуальность тематики модернизации образования может быть поделена на социальную и научную составляющую. Изменения в современном образовании и трансформация университетских структур в последние годы неизбежно ставят вопросы о социальном значении предшествующего исторического опыта переходных периодов. В научном аспекте, учитывая изученность развития общего хода реформ образования в годы НЭПа, остаются малоизученными некоторые аспекты работы региональных университетов в этот период. Цель работы, дать оценку влияния общих тенденций государственных реформ на работу Донского универ-

ситета в 20-е годы в СССР с учетом региональных особенностей его работы.

В период 1920–1929 гг. Донской (Северо-Кавказский с 1925 г.) Университет оказался в совершенно уникальной ситуации. Выехав из Варшавы, Университет сменил не только географическое местоположение, что само по себе было колоссальной проблемой для нормальной работы, но и оказался в совершенно новом государстве, развитие в котором было сопряжено с большими изменениями в учебном процессе.

Идея классического университета в эти годы преобразовывалась в совершенно иную

образовательную модель, главной целью которой становится следование потребностям народного хозяйства, экономическим и политическим потребностям нового советского общества. Однако ряд действий правительства в этот период являлись абсолютно неожиданными и свидетельствовали об отсутствии единой стратегии развития образования в этот период. В историографии уже предпринят ряд попыток комплексной оценки работы университета в этот период, где отмечается противоречивость проводимых реформ [10].

В 20-е годы были предприняты ряд неоднозначных решений в области образования, которые привели к заметному снижению качества работы Университета в начале 20-х годов. В стране в этот период вводилось платное образование и Донской университет так же ввёл оплату за обучение студентов в 1922 г. [11, р. 32], хотя это формально противоречило базовым принципам образования, сформированным Советом Народных Комиссаров (СНК) в 1918 г. Пятый пункт «Правил приема в высшие учебные заведения» от 2 августа 1918 года гласил об отмене платы за обучение в РСФСР.

Следует отметить, что плата вводилась дифференцировано. Она касалась не всех категорий обучающихся и не всех специальностей. В Письме СНК в Совет по делам ВУЗов от 16.11.1922 г. говорилось, что «С 1922/23 учебного года вводится плата за обучение для всех, кроме педагогических и социально-экономических специальностей» [4, р. 5]. Устанавливалась плата в 100 млн руб. в год в провинции для живущих на нетрудовые доходы плата в 200 млн руб. После денежной реформы осени 1922 года вернулись тысячи вместо миллионов, и оплата в год составила 50 тыс. рублей [4, р. 23], что было достаточно большой суммой в условиях подорванной экономики после гражданской войны.

В Донском университете в этот период сохранялось много представителей духовенства, казачества и городских слоев населения. Платное образование в полной мере коснулось именно этих социальных групп студентов и стало одним из механизмов обновления студенческого состава. Следует отметить, что в университетских документах не приводилось четкого определения о нетрудовых доходах, зато четко оговаривались группы студентов, освобожденных от оплаты. С другой стороны, в Варшавском университете ранее активно использовалась практика взимания платы с «вольных слушателей» на университетских лекциях. В начале 20-х годов этот механизм был свернут.

От оплаты за обучение освобождались студенты рабфаковцы, члены РКРП, РКСМ, командированные профсоюзами, дети преподавателей ВУЗов, студенты, состоящие на военной службе [4, р. 5]. Таким образом, освобождение от оплаты проводилось не только по политическому и классовому признаку. Учитывались потребности государства специалистов определенного профиля, которые оказались в дефиците. В 1925 году использование системы оплаты за обучение будет прекращено вместе с выходом новой редакции «положения о ВУЗах в РСФСР», где содержалась формулировка, что «обучение в ВУЗ бесплатное» [6, р. 327].

Другой особенностью работы Донского университета в начале 20-х годов стало массовое увеличение набора студентов. В университете в 1920 году начал применяться декрет СНК от 6 августа 1918 года, согласно которому Высшие учебные заведения (ВУЗы) РСФСР являются открытыми для всех желающих заниматься в этих учреждениях при условии достижения 16 летнего возраста [2, р. 297]. Были внесены предложения о проведении «параллельных курсов», то есть курсов, читаемых сразу на несколько потоков и направлений обучения.

По этому декрету прием студентов в университет был объявлен возможным в течение всего года, и ограничением на прием студентов выступала только техническая невозможность принять всех желающих. Это была настоящая попытка кавалерийской пролетаризации университета, когда двери были открыты всем и сразу.

Историко-филологический факультет в 1922 году объявил о возможном наборе на первый курс 200 человек, физико-математический факультет о наборе на естественное отделение 400 студентов, а математическое отделение физмата заявило о приеме дополнительно ещё 200 студентов [2, р. 303], что было очень много при общей численности студентов университета немногим более 2 тыс. человек. Резкое увеличение набора обеспечило почти двукратный рост численности принимаемых студентов. Количество студентов Донского университета в 1924 году составит почти 5 тыс. человек [3, р. 33]. Несмотря на то, что открытие дверей университета было частично ограничено введенным платным образованием для некоторых групп населения, аудитории были переполнены желающими учиться.

Ошибочность этих нововведений стала ясна к концу 1923 года, когда резкий численный рост набора на факультеты и, как следствие, перегрузка преподавателей и площадей обер-

нулись нехваткой средств. Вследствие этого СНК (Совет Народных Комиссаров) стал требовать сокращения расходов. Началась активная работа по приведению в соответствие «наличествующего контингента» студентов преподавательскому составу и слиянию многих подразделений под формулировкой «недостаточно эффективных».

В 1924 году была проведена массовая академическая проверка всех студентов университета, которая показательна с точки зрения политики государства в политической плоскости. В результате проведенной массовой проверки численность студентов была сокращена более чем на одну тысячу человек, из которых 192 человека были отчислены с формулировками, не имевшими отношения к академическим принципам: «социально чуждый элемент», «чуждый трудовой элемент» [8, р. 58–65]. Много отчисленных по политическим и социальным мотивам были студентами медицинского факультета, который традиционно не участвовал в процессе модернизации структуры Донского университета, так как был на особом «милитаристском» положении как особо важный для государства. В списке отчисленных можно видеть еврейские фамилии, представителей казачества, отметки о политической неблагонадежности.

Изменение университетской структуры привело к тому, что в 1925 году Донской университет работал только с четырьмя факультетами: медфак, педфак, рабфак, экономфак. В отчетах университета о своей работе содержалось общее описание сложностей положения университета, но не отражались проблемы, вызванные действиями новых административных властей. Все сложности списывались на последствия гражданской войны и «хозяйственную разруху» [12, р. 298]. В результате слияния подразделений и сокращения штатной численности преподавателей, часть студентов централизовано переводилась на обучение в другие университеты.

Для уменьшения расходов в условиях роста численности студентов в университете велась работа по сокращению срока обучения. Учебный год был разделен на три периода (триместра) [1, р. 84, 105]. Триместры по календарю располагались следующим образом: 15 сентября – 15 декабря, 15 января – 15 апреля, 2 мая – 31 июля [1, р. 24]. Цель триместровой системы состояла в повышении доступности образования и понижении его стоимости. Что бы обеспечить такое сокращение аудиторной нагрузки предполагалось в дальнейшем со-

кратить число предметов. По окончании каждого триместра предполагалось проводить подробные отчеты научными работниками о проделанной работе по сокращению нагрузки [1, р. 24]. Триместровая система оказалась неоднозначным решением, продиктованным экономическими, а не учебными или научными задачами.

Научная составляющая в работе университета в начале 20-х годов оказалась значительно сокращена в пользу просветительской функции, что пагубно сказалось впоследствии на общем качестве образования в Донском университете. Это впечатление было усилено масштабом работы рабочего факультета, который дублировал специальности общеуниверситетских факультетов, обслуживался преподавателями университета, но имел низкий уровень подготовки студентов.

Подлинная революция в образовании наступила с публикацией в 1925 году нового положения о работе высших учебных заведений в стране [1, р. 27–29]. Начиналась новая веха в истории университетов по всей стране. В «Положении об управлении ВУЗ в РСФСР» все административные нововведения в управлении университетом были закреплены централизованно для всех учебных заведений в стране [1, р. 30]. После выхода этого документа словосочетание ВУЗ становится не только популярным в выступлениях, но и официальным определением для Университета. Постепенно оно закрепится на законодательном уровне как более общий синоним слова «университет».

Самая характерная особенность этого документа состояла в том, что ректор теперь официально являлся председателем правления университета и назначался Главпрофобром [1, р. 30], то есть государственным органом. Совет университета состоял из членов правления, президиума, представителей профсоюзов, членов президиумов факультетов, представителя Губсовнархоза, Губисполкома [1, р. 30]. Такой состав означал потерю автономности академической среды и был разбавлен представителями революционного студенчества. Что характерно, сам процесс обучения именовался ушедшим впоследствии из употребления понятием «учебная повинность» [1, р. 59–60].

Учитывая тот факт, что «всероссийская система конкурсов на замещение кафедр в ВУЗах» с 1918 года была уже централизована [1, р. 37], то становится очевидным, что государство в первые годы советской власти формировало управляемую сверху образовательную систему. Даже приглашение специалиста на чтение лекций требовало согласования центра [1, р. 37].

Тем не менее, растущая централизация управления университетом не останавливала учебный и научный процесс.росло число командировок профессоров, ассигнования на печать трудов преподавателей [2, р. 98], начинают издаваться «Известия ДГУ». Однако достижения университета этого периода базируются в первую очередь на дореволюционном научном багаже и отчасти сохранении прежней модели внутренней работы факультетов и кафедр [2, р. 123].

Революционным начинанием в преподавании в университете стали новые предметы, обязательные для чтения на всех специальностях в 1921 году. Согласно постановлению Совета народных комиссаров и подписанному лично В.И. Лениным «об установлении общего научного минимума, обязательного для преподавания во всех Высших учебных заведениях РСФСР» вводился «исторический материализм», «история пролетарской революции», «политический строй РСФСР» и др. [1, р. 6]. Этот минимум читался на всех отделениях всех высших школ. В меньшем объеме это касалось естественнонаучных направлений [12, р. 307], однако свидетельствовало о начале пересмотра предметов, читаемых на факультетах под определенным углом зрения.

Эти нововведения не только меняли подход к формированию учебных планов [1, р. 102], но и закладывали новые принципы и традиции. В это время сформировалась точная расстановка рабочей недели на 36 и 18 часов, принцип специализации со второго курса, написание выпускной дипломной работы, комплектование государственной аттестационной комиссии и др. [1, р. 250]. Важно то, что при формировании предметов предпочтение отдавалось не только прикладным предметам вместо общетеоретических, но и требовалось объединение близких курсов, продвижение «более глубокой но узкой» специализации предметов [1, р. 102]. При формировании плана теперь требовалось наличие производственной базы, экономических условий для развития специальности, что сужало возможности для гуманитарных направлений и открывало дорогу практической и технической направленности науки.

Эти тенденции станут ведущими в жизни университета во второй половине 20-х годов и выдвинут на первый план ученых естественников, тогда как Варшавский университет был силен еще и специалистами - юристами, филологами. В состав университета постепенно войдет много новых преподавателей советского воспитания и образа мысли.

Эти изменения привели к росту статуса университета в регионе. Главпрофобр, согласно постановлению правления Донского университета утвердил почетным членом Совета командарма С. М. Буденного [12, р. 308]. Этот факт имел в советской системе того времени немаловажный символический смысл. В 1925 году ДГУ был переименован в Северо-Кавказский Государственный университет в связи с новым районированием региона и такое название сохранил до конца 20-х годов.

Еще одним неоднозначным действием стало создание во второй половине 20-х годов системы научно-исследовательских институтов. В 1925 году по инициативе научной части университета при Крайисполкоме началось создание ассоциации научно-исследовательских институтов Северо-Кавказского края [9, р. 62], которая значительную часть научных исследований из университета перевела к себе. В результате появились институт математики и естествознания, местной экономики и культуры, экспериментальной и клинической медицины. Показательно, что подготовка преподавателей по общественным дисциплинам еще осенью 1923 года была изъята из ВУЗа и передавалась профильным научно-исследовательским институтам [5, р. 139], функции и значение которых постепенно росли, что для Донского университета оказалось серьезным испытанием. Преподаватели университета стали сосредотачивать свою научную работу за пределами университета, понижая его интеллектуальный потенциал.

Идея создания институтов имела по мысли реформаторов свои практические основы. Указывалось, что университет не в состоянии самостоятельно выполнять научные и образовательные задачи одновременно. В письме в правление Донского университета от Наркомпроса 19.06.1923 указывалось: «Чисто научная работа и подготовка будущих ученых, являясь существенной задачей ВУЗ, имеет своими организационными центрами Научно-исследовательские институты» [6, р. 74].

Наиболее точное представление о новом этапе реформы университетов можно составить со слов председателя научно-технической секции ГУСа (Государственного Ученого Совета), выдающегося русского и советского ученого О. Ю. Шмидта: «Целью реформы ВУЗ является «пересмотр учебных планов в смысле уничтожения многопредметности, достижения более определенной специализации и общего сокращения длительности курса» [6, р. 28]. Далее делался важный акцент на направленности работы университета: «в то же

время преподавание должно стать более практическим, связь с практической деятельностью, к которой ВУЗ готовит, должна начинаться первого курса, а преподавание общих предметов строго согласовываться с потребностями специальных (имеется в виду «предметов». – *курсив авт.*)» [6, р. 28].

Одним из таких шагов по формированию практико-ориентированного образования стало формирование системы централизованного распределения студентов на работу и проведения практик, а распределение по рабочим местам присылал Главпрофобр [6, р. 304]. В первые годы система централизованного распределения не работала в полную силу, так как распределение студентов было изначально возложено на сотрудников Университета, что дополнительно увеличило преподавательскую нагрузку.

Новое положение о ВУЗах уточнило и дополнило базовые элементы образовательного процесса в университете и цели университета. Теперь положением определялось, что «высшие учебные заведения имеют целью: а) создавать кадры специалистов, необходимые для различных отраслей социалистического строительства, б) готовить научных работников для обслуживания высших учебных заведений..., распространять научные знания среди широких пролетарских и крестьянских масс, интересы которых должны стоять на первом плане» [6, р. 152].

Второй задачей нового положения стал переход на новые штаты и их расширение. Все «лица, занятые в вузах научной работой, какой-либо работой являются научными работниками..., преподавателями зовутся те, кто работает под руководством одного из профессоров». Отмечалось, что научные сотрудники не занимаются наукой, а лишь помогают профессорам и преподавателям» [7, р. 11]. Статус Донского (Северо-Кавказского) университета в середине 20-х годов оставался высоким для региона, однако сам университет постепенно трансформировался в образовательное учреждение, утрачивая свои научно-исследовательские принципы.

По итогам этих мероприятий к 1927 году ректор с полной уверенностью мог заявить, что СКГУ стал «вполне советским университетом» [12, р. 11]. Но именно оговорка «вполне» была показательна, как косвенное признание сложности процесса «советизации» университета. Относительно устойчивая работа университета о второй половине 20-х годов даст возможность постепенно восстанавливать общий

потенциал университета, но общая картина качества работы была неоднозначная.

При первоначальном анализе университетской отчетности второй половины 20-х годов, картина работы университета выглядит достаточно красочно и рисует интересные перспективы развития. Однако ситуация по многим параметрам оказалась очень непростой. Очевидным был прогресс в хозяйственной, материально-технической и управленческой деятельности. Вместе с тем в наиболее уязвимом положении оказались фундаментальные научные исследования и сам образовательный процесс. В этой области в работе обнаруживалась целая группа негативных тенденций.

В отчете университета от 1925 года отмечалось: «Университет работает по плану, выработанному ГУСом. «Планы страдают многопредметностью, устарелостью и неопределенностью. Студентов часто планы не устраивают». «Методы преподавания преобладают лекционные», которые занимают 75 % времени. Это происходит по причине того, что «лекция это дешево», «не хватает преподавателей», есть «перегруз студенчеством», присутствует «костность в методах преподавательского состава» [7, р. 44].

Так же в этом отчете, который в черновом варианте еще не был откорректирован для печати, была отмечена «перегруженность преподавателей». Причинами перегрузки были указаны: «нехватка научных сил, есть вакансии», «многопредметность учебных планов» и «материальная необеспеченность работников». Результатом перегруженности является: «Низкая интенсивность труда, падение квалификации, понижение продуктивности преподавания, прогрессирующая отсталость в науке, падение уровня подготовки студента» [7, р. 45]. Это замечания носили системный характер и показывали общие тенденции в образовательном процессе.

Отмечался низкий уровень успеваемости студентов: «Успешных 25 %, нормально работающих – 40 %, отстающих – 35 %». Причинами неуспеваемости в отчете были указаны: «материальная необеспеченность», «низкая подготовка», «техническая неграмотность», «перекомплект студенчества», «неопределенность требования по учебным планам ГУС», «лекционная система преподавания и неподготовленность к ней главным образом рабфаковцев» [7, р. 45].

Так же отмечен низкий уровень академической подготовки: «По отзыву специалистов, по данным различных союзов, уровень академи-

ческой подготовки студентов весьма низок и не удовлетворяет запросам учреждений... уровень подготовки колеблется на уровне 25–50 % от довоенного уровня» [7, р. 45].

Перегруженность преподавателей сочеталась с нехваткой специалистов по некоторым специальностям. В Университете в этот период имелись пустующие кафедры: «литературы, зоологии, исторического материализма, детских болезней, физики... не хватает историков марксистов, философов и экономистов» [7, р. 46].

Подобные факты из неопубликованных отчетов университета обрисовывают достаточно сложную картину положения университета в второй половине 20-х годов и свидетельству-

ют о медленном восстановлении Донского университета и появлении новых проблем и вызовов в его работе. Сложности в восстановлении университета были связаны не только с последствиями войны, разрухой, но и непосредственными действиями новых органов управления в стране. Университет за десятилетие послереволюционного развития, несмотря на определенные успехи, не преодолел своего «вторичного состояния» по отношению к Варшавскому университету, планку развития которого достичь в условиях 20-х годов было достаточно трудно. Университет ожидал новых социальных перемен.

Источники и литература

1. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф.Р. 46. Оп. 1. Д. 1.
2. ГАРО. Ф.Р. 46. Оп. 1. Д. 8.
3. ГАРО. Ф.Р. 46. Оп. 1. Д. 11.
4. ГАРО. Ф.Р. 46. Оп. 1. Д. 73.
5. ГАРО. Ф.Р. 46. Оп. 1. Д. 94.
6. ГАРО. Ф.Р. 46. Оп. 1. Д. 152.
7. ГАРО. Ф.Р. 46. Оп. 1. Д. 173.
8. ГАРО. Ф.Р. 46. Оп. 1. Д. 179.
9. ГАРО. Ф.Р. 46. Оп. 1. Д. 201.
10. Курепин А. А. Власть и наука. 1917–1937 гг. (На материалах Петрограда-Ленинграда): дис. ... д-ра ист. наук, СПб.: СПбГУ, 2004. 549 с.
11. Пушкаренко А. Летопись университетской жизни. В 4-х чч. Ч.2. Ростов-на-Дону: РГУ, 2003. 116 с.
12. Ростовский государственный университет. 1915 – 1965. Статьи, воспоминания, документы. Ростов-на-Дону: РГУ. 1965. 356 с.

References

1. State archive of the Rostov oblast (GARO). F.R. 46. Inv. 1. D. 1.
2. GARO. F.R. 46. Inv. 1. D. 8.
3. GARO. F.R. 46. Inv. 1. D. 11.
4. GARO. F.R. 46. Inv. 1. D. 73.
5. GARO. F. R. 46. Inv. 1. D. 94.
6. GARO. F.R. 46. Inv. 1. D. 152.
7. GARO. F.R. 46. Inv. 1. D. 173.
8. GARO. F.R. 46. Inv. 1. D. 179.
9. GARO. F.R. 46. Inv. 1. D. 201.
10. Kurepin A. A. Vlast' i nauka. 1917–1937 gg. (Na materialah Petrograda-Leningrada) (*Power and science. 1917–1937 gg. (On the materials of Petrograd-Leningrad)*): thesis. St.Petersburg: SPbSU publ., 2004. 549 p.
11. Pushkarenko A. Letopis' universitetskoj zhizni (*The Chronicle of University life*). In 4 vols. Vol. 2. Rostov-on-Don: Publ. RSU, 2003. 116 p.
12. Rostovskij gosudarstvennyj universitet. 1915–1965 (*Rostov state University. 1915–1965*). Articles, memoirs, documents. Rostov-on-Don: Publ. RSU, 1965. 356 p.